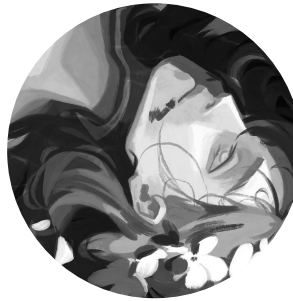

София Баюн

Я знаю, кто убил Лору Палмер

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б33

Иллюстрация на обложке
Станиславы Ивакевич (Night Crow)

Баюн, София.
Б33 Я знаю, кто убил Лору Палмер / София Баюн. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Русреал-детектив).

ISBN 978-5-04-209916-8

Россия, 2000-е.

В реке провинциального городка находят тела изуродованных светловолосых девушек. У каждой вскрыто горло и разрезаны уголки губ, а на голову надет белый венок, из-за чего жертв маньяка называют «Офелиями».

Яр, жених последней, пятой «Офелии», одержим поисками убийцы. На мосту, где погибла его возлюбленная, он встречает сестру первой жертвы, и та приглашает его к себе. Ее дом – место встречи родных и друзей погибших. Все они пытаются справиться с потерей и скрыть тайны, которые терзают их души.

Позже Яр находит в почтовом ящике письмо от погибшей невесты, вернувшееся отправителю. Письмо, написанное на несуществующий адрес и предназначенное отцу, которого она не могла знать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-209916-8

© Баюн С., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог
И СТАЛО СЛИШКОМ ПОЗДНО

Скорее бы стало слишком поздно.

Вот это была подходящая мысль. За нее можно ненавидеть себя до конца жизни. К счастью, его совсем недолго придется ждать.

Скорее бы стало слишком поздно. Когда ничего уже нельзя будет изменить, она снова станет свободна. Не будет ледяной ладони, зажимающей рот, заломленных за спину рук и чужого колена, упирающегося в спину.

И реки не будет — совсем близко, за кованой оградой моста. Теплой серой воды, напитанной чернотой июльского неба. Ласковой и грязной воды ленивой городской речки, которая вот-вот обнимет за плечи, обнимет разгоряченную голову, обнимет сломанные ребра. Обнимет и заберет, все заберет себе мудрая и ласковая, равнодушная и мелководная городская река.

Пусть же скорее станет слишком поздно.

— Прекрати дергаться.

Почему у человека, который ее держит, дрожит голос?

— Прекрати. Ты ничего не изменишь.

Конечно, не изменит. Она и не сомневалась. Вот вода, вот измятые белые цветы в свалявшихся светло-русых волосах, кровь на лице — застывает на подбородке, капает на воротник с изрезанного рта. Что теперь можно изменить?

Зато она будет улыбаться. Всегда будет улыбаться слишком широко.

— Прекрати...

Она кивнула.

И стало слишком поздно. Пришла вода, теплая и теперь безбрежная. Обняла за плечи, обняла разгоряченную голову, напоила мертвые цветы и распутала волосы.

Осторожно вымыла кровь из перерезанного горла, забрала последние удары замирающего сердца, стерла с лица застывшие слезы.

Ласковая и теплая июльская вода.

Вот и стало слишком поздно.

* * *

Где теперь Яна? Откуда мне знать.

Я знаю, что от нее осталось: полная ванна остывшей воды и цветов, гниющих на дне. Не знаю, для кого цветы: для Яны или Веты.

Вету нашли лежащей на берегу лицом вниз. Я видел фотографии. Белое лицо, набрякшее речной водой, кожа в крупинках мусора и песка, слипшиеся светлые волосы и закатившиеся глаза — неестественно большие, опухшие. Река вылизала всю кровь из перерезанного горла, наполнила тело серой сыростью.

Жаль. Я запомнил Вету совсем не такой. Я помню, как она обнимала грязное, фиолетово-рыжее небо, как на белых розах в ее волосах растекался красный цвет. Совсем как живая, только голова слишком сильно запрокинута. И она улыбалась — и теперь она будет улыбаться вечно. Вета была смешливая. У нее была красивая улыбка.

А Яна смеялась совсем не так. Я всегда удивлялся тому, как одинаковые лица могут принадлежать таким разным людям. А может, это потому, что Яна высаживала по пачке сигарет в день. Ей всегда говорили, что никотин ее убьет. Она смеялась.

И я. Я тоже смеялся.

Все кончилось так, как должно было. Все кончилось отвратительно неизбежно. Что бы я ни делал, как бы ни старался спрятать ее от смерти — та всегда ходила за Яной по пятам. Нашла ли ее? Я хочу верить, что не нашла. Достаточно того, что фиолетово-рыжее небо обнимала ее сестра. Первая Офелия, которая перестала быть Ветой в тот момент, когда ей перерезали горло и сбросили с низкого заплеванного моста.

Офелия утонула — или ее утопили, и мне больше нравится эта версия, — когда пыталась развесить венки на ветках ивы. Или когда пыталась что-то рассказать.

Выдать тайну, и все знают какую.

Яна умнее. Яна не выдавала своих тайн до последнего.

Знаете, какой на самом деле должен быть конец у этой истории?

Конечно, не знаете. Откуда вам знать.

Глава 1
ВИШНЕВЫЙ ПИРОГ

— А я знаю, кто убил Лору Палмер.

Это были первые слова, которые Яр услышал от Яны.

И тогда нашел в себе силы усмехнуться сквозь тяжелое марево опьянения, надежно спеленавшее разум.

Да все знали, кто убил Лору Палмер. Вообще все. Наверное, дети в детском саду знали. И пациенты в психбольницах, не помнящие собственных имен.

Он кивнул, не поворачиваясь. Ему не нужно было общество, тем более женское. Только не на проклятом мосту, по которому живые женщины вообще не должны ходить.

— Ты кто? — спросила она, усаживаясь рядом на холодный бетон.

— Яр, — выплюнул он, словно это хоть о чем-то говорило.

«Ты кто»? Бородатый пьяный мужик в грязном свитере. Еще чего надо-то?

— А я Яна.

Он с трудом оторвал взгляд от воды и попытался сфокусироваться на девушке. Разглядел черное каре, лаково блестящий черный плащ. Хмыкнув, он перевел взгляд на рябь, растекающуюся по волнам.

— Он не придет, — вдруг сказала Яна.

— Кто?

— Тот, кого ты ждешь. Осень, Яр. Он не любит холодную воду.

— Откуда знаешь?

— Пойдем со мной. — Вместо ответа она встала, взяла его за руку и потянула вверх.

— Отвали, — огрызнулся он.

Яру хотелось объяснить этой жалостливой дуре, что он не просто так сидит на холодном мосту с бутылкой в руках и ножом в кармане. У него ведь определенно была какая-то цель. Правда, он уже почти не помнил какая.

— Пойдем, Яр. Вода холодная, — уверенно повторила Яна. — Не любит он, когда холодная вода, понимаешь? В холодной воде... кровь не течет. Недолго. Ну пойдем, давай же!

Он несколько раз зажмурился, словно пытаясь разбить сковавшую мир дымку, и наконец смог рассмотреть ее лицо.

У нее черные, криво обведенные глаза и толстый слой тонального крема, но ее невозможно не узнать. Он провел много месяцев за изучением всего, что касалось жизни пяти мертвых женщин, которым местные газеты уже дали общее поэтичное, но совершенно неподходящее имя — Офелия. И жизнь этой женщины он тоже изучил.

— Ты сестра Светы. Которая... первая, — заявил он.

Яна кивнула.

В газетах писали, что у голубоглазой блондинки Светланы была сестра-близнец. Даже напечатали их общую детскую фотографию — одинаковые косички, одинаковые бантики, широкие улыбки, только у одной девчонки не хватало переднего зуба. Яра от фотографии тошнило.

— Пойдешь со мной?

Он с трудом поднялся, придерживаясь за шаткие перила. Пригляделся к лицу Яны — что-то отличало ее от сестры, от фотографии с похорон, которую он видел в газетах. Не только черные глаза и волосы.

Он положил руку ей на плечо. Второй медленно, стараясь не сбить траекторию, коснулся уголков ее губ.

Поверх тонального крема черным карандашом были нарисованы два шва с частыми стежками. Казалось, что изо рта выбегает пара сороконожек.

— Как у нее? — хрипло спросил он.

Пять женщин, три разных моста. На каждой — белый венок, у каждой вскрыто горло и подрезаны уголки губ. Это называли «улыбкой Офелии». И вот шестая, живая, стоит перед Яром и улыбается.

Яна кивнула:

— Мы всегда были одинаковые, — под нарисованной улыбкой растеклась настоящая, горькая. — Но если я порежу свое лицо... Кого ты потерял?

— Раду, — ответил он, опуская испачканную кремом руку. Он не сомневался, что ей хватит имени. Газеты чаще звали его невесту «пятой Офелией».

— Ты почти не давал интервью, — заметила Яна.

Яр усмехнулся. Он был не в настроении вести светские беседы, он стоял-то с трудом. Стоило ему на мгновение отвести взгляд от лица Яны, оно тут же превратилось в черно-белое пятно.

Он жестом попросил подождать, отвернулся, и его вывернуло. В воду, которая, по словам Яны, никак не годилась для очередного трупа. Рвало водкой и желчью, но он совершенно ничего не чувствовал — ни боли, ни горечи.

— Теперь пойдешь со мной? — спросила Яна.

Он кивнул и пошел за девушкой, которая знала, кто убил Лору Палмер.

* * *

Он проснулся от запаха вишни. Густой, приторный, он лился в легкие и означал счастье.

У Рады были такие духи, назывались «Болгарская роза», но пахли почему-то вишней. Кипящим вишневым вареньем.

Яр открыл глаза и уставился в незнакомый потолок. Он был прав, и он ошибся — вишней пахло. Рады не было.

— Оно живое, — раздался неприязненный женский голос.

Он с трудом обернулся. Комната была большой и светлой. Обои в цветах и птицах. На стене напротив баллончиком нарисован огромный знак анархии, весь в пришпиленных на кнопки клочках бумаги. Рассохшийся сервант, покрытый глянцевым лаком, за мутным стеклом книги вместо хрусталя. Пол в тонком линолеуме с квадратным узором. Старая мебель из лакированных прессованных опилок. Деревянные окна, с карниза свисает обрывок тюлевой занавески.

В темно-зеленом кресле в углу сидела незнакомая девушка. Полная, с веснушчатыми щеками и марганцовочно-фиолетовыми волосами, она показалась ему смутно знакомой. На коленях ее лежала раскрытая книга.

— Утро, — прохрипел он.

Девушка хмыкнула и повернула колесико кассетного магнитофона. Яр не мог разобрать, о чем воет Бьёрк, но наверняка не о солнечной желтой комнате и вишневых духах.

На самом деле ни девушка, ни сервант с книгами его не интересовали. Его гораздо больше занимало, почему он лежит в незнакомой квартире, на пыточно-узком красном диване. А еще головная боль и жажда — они сейчас были сильнее любопытства.

— Яна, солнышко твое проснулось! — крикнула девушка и встала с кресла.

Бюстгальтера на ней не было, и очертания груди отчетливо проглядывались под свободным тонким свитерком. Яр почти пожалел, что грудь его тоже не особо заинтересовала.

— Алиса, — представилась девчонка, подойдя к заваленному газетами столу. Достала две бутылки пива, жестом фокусника открыла одну крышкой другой и протянула ему.

— Яр.

А вот пиво — пиво его очень даже интересовало. И девушка все-таки была замечательная, и свитерок у нее чудесный, но пиво все-таки лучше.

— Ты проснулся!

Яна стояла на пороге и широко ему улыбалась. Он опустил бутылку на пол и попытался улыбнуться в ответ.

На ней был черный кружевной халат и пижамные штаны из красной шотландки. Волосы стояли дыбом, а в руках она держала огромный противень, от которого и исходил приторный вишневый аромат.

— Ага, — не стал отрицать очевидного Яр. — Вы извините, девочки, я домой пойду.

С него даже не сняли ботинки. Он криво улыбнулся и попытался встать. Яна тут же сунула противень Алисе, не особо заботясь, успела ли она взять прихватки, и бросилась к нему.

— Нет-нет-нет! Я испекла тебе пирог.

Яр честно попытался понять, что происходит, но так и не смог. Ситуация больше напоминала завязку плохого порнофильма, а не историю, в которой ему хотелось бы участвовать.

— Спасибо, Яна, но мне не нужен пирог, — он попытался высвободить рукав, за который она его держала. — Мне нужно домой.

— Разумеется, ты здесь не потому, что тебе нужен пирог, — фыркнула Яна. — А потому, что ты нам нужен. И мы тебе.

— «Мы» — это кто?

Он изо всех сил старался быть вежливым. Но выходило плохо — ситуация была глупой и, пожалуй, даже забавной. Но у него не было желания радоваться, и некому было эту историю рассказывать, а значит, она теряла всякий смысл.

— Ты вчера сидел на мосту, — сообщила Яна вместо ответа. — Ты ждал там убийцу.

— Нет, я там вчера пил, — скривился Яр.

Кажется, последнее, что он помнил, как запивал третий по счету баночный коктейль теплой водкой. Помнил, что коктейль вкусом напоминал бензин, но хотелось допиться до полного беспамятства.

Судя по тому, что он это помнил, план не сработал.

— И ждал, — уверенно сказала Яна. Переложила стопку газет на пол, кивнула Алисе, и та пристроила на освободившемся краю стола пирог. — С тех пор как Вету убили, я хожу по мостам, где... где это случалось. И иногда нахожу там людей, которым нужна помощь. Скажи, — потребовала она, щелкнув пальцами.

Яру показалось, что Алиса ее пошлет, но, к его удивлению, она покорно ответила:

— Я топиться собиралась.

— Ты подруга Веры? Четвертой... жертвы? — он наконец понял, где ее видел: в новостях, ну конечно.

Они с Радой смотрели тот выпуск. Сидели на темной кухне в съемной квартире, пили чай из глиняного чайника Рады и ничего не боялись. Когда девчонка на экране вырвала у ведущей микрофон и закричала: «Ублюдок! Я тебя найду и все твои венки в жопу тебе заколочу!» — Рада от неожиданности рассмеялась. Яр тоже тогда посмеялся.

Алиса кивнула и быстро перебросила на ладонь липкую вишенку из пирога.

— Я думаю, мы все от него пострадали, — заявила Яна, вытаскивая из-под газеты короткий кухонный нож.

Яру стало интересно, что еще там можно найти, впрочем гораздо сильнее его занимали другие вопросы.

— Туалет где?

Ванная была тесной и захламленной. Он разглядел кучу флаконов и банок — слишком много для одной девушки, даже коллекционирующей бытовую химию. К тому же он заметил минимум два мужских набора — два синих флакона шампуня, две бритвы и две зубные щетки.

— Странное место, — пробормотал он, растирая по лицу пригоршню ледяной воды.

Яна сидела на полу посреди комнаты и держала в руках одноразовую тарелку и пластмассовую вилку с отломанным зубцом. Вторая тарелка стояла перед ней. И огромная кружка, из которой уныло свисала нитка чайного пакетика.

— Это тебе, — пояснила Яна, ткнув вилкой в сторону тарелки.

Яр, чувствуя себя полным идиотом, поднял тарелку и чашку, сел на краешек дивана. Поискал глазами Алису — та сидела в том же кресле и ела пирог без вилки, двигая его кончиком пальца к краю тарелки. Во второй руке она держала книгу и, казалось, была полностью поглощена сюжетом.

— Яна... — наконец не выдержал он.

— Пирог попробуй. Я старалась, — бесцветно попросила она.

Он попробовал. В начинке было слишком много сахара и крахмала, а корж был жирным и пыльно-рассыпчатым — это значило, что этот пирог был лучшим, что Яр ел за последний месяц.

— Яна, ты чего от меня хочешь? — спросил он, отставив тарелку. — Вы маньяка ищете? Я в этом участвовать не собираюсь. И нытье чужое слушать — тоже.

— Нам не надо искать маньяка, — глухо ответила Яна, отломив кусочек пирога. — Он и так всегда с нами. И не ерничай, хорошо? Я серьезно к этому отношусь.

Он пожал плечами и стал смотреть, как она ест, пытаясь привести в порядок мысли.

Убийства начались год назад, и газеты ими упивались, на телевидении кадры оперативной съемки мелькали чуть реже рекламы майонеза. Убийства обсуждали на каждой кухне, на каждом перекуре, как же. У молодой страны появился свой маньяк. Настоящий, как в триллерах. Не тот, что мечтал заполнить шахматную доску, не тот, что колесил

по сумрачному сибирскому городу с отверткой в бардачке, и даже не тот, что призраком жил в путаных университетских коридорах. У нового маньяка было все, чего не хватало прошлым, — эффектность. Предсказуемость. И наверняка какая-то драматическая история, вот бы ее узнать.

Он любит мелководную городскую реку с ленивым течением — наверняка не хочет, чтобы трупы уносила вода. Убивает молодых блондинок. Он пытает их перед смертью, он уродует им лица, но смерть их мгновенна и прекрасна.

Несмотря на то что трех девушек нашли уже на берегу, газеты и передачи тиражировали другой образ. Тот, который видел убийца во время совершения преступления. И вся страна смотрела его глазами.

Только одну девушку, третью, нашли почти сразу. Она еще качалась на поверхности, ее венок не рассыпался, а кровь все еще обрамляла лицо и красила светлые волосы в розовый цвет. Везде был именно этот образ. Кто-то даже нарисовал огромное граффити на стене строящейся многоэтажки — старательное подражание Климту, пестрые пятна цветов, схематично растекшиеся белые волосы и трагически-алый разлом пореза на лице.

Яр видел девчонок с пережженными краской волосами и трагическими лицами. По вечерам они собирались на берегу, пили портвейн и выли «Марш плывущих Офелий». Может, они оплакивали его Раду. А может, хотели быть похожими на ту, со стены.

Когда год назад нашли Светлану — двадцать два года, венок из свадебного салона, грубо изрезанное лицо, правое колено разбито молотком, — убийца удостоился целого разворота в криминальной хронике местной газеты. Преступлением неприкрыто восхищались, потому что в молодой стране можно было все. Его обсасывали, как бесконечный разноцветный леденец, краешек которого достался каждому — и тем, кто искал повод покритиковать правительство, тем, кто ностальгировал по «неразвращенному зарубежной